

У кольцеобразной долины на краю Восточного Моря в Мире Лазурных Облаков круглый год клубились густые туманы, а позади нее тянулась цепь извилистых горных хребтов.

У долины не было входа — лишь проложенная людьми крутая и узкая горная тропа. И хотя входить и выходить было не слишком удобно, это напрочь исключало вторжение Демонических зверей, так что место сие можно было назвать истинным земным раем.

Долина была довольно густо населена: здесь располагалось четыре или пять небольших деревушек, причем та, что находилась в самом центре, насчитывала около тысячи с лишним жителей и вполне тянула на небольшой городок.

Поскольку солнце долго светило лишь на северную сторону, крестьяне возделывали там поля под злаки, и потому постоянного жилья там не было.

На восточной скале грохотал большой водопад шириной в три-четыре чжана, служивший единственным источником воды для всей деревни.

Среди заросших сорной травой каменных глыб то тут, то там зеленкали небольшие участки с лекарственными травами. Подросток лет четырнадцати-пятнадцати, проворный и крепкий, с бамбуковым коробом за спиной, в котором позвякивало множество бурдюков из воловьей кожи, быстро шнырял между крохотными плантациями на отвесной скале.

Парень развернулся, остановился перед пышно разросшейся грядкой целебных трав, и пот выступил у него на лбу. Лучи утреннего солнца осветили его, заставив все тело вспыхнуть золотистыми искрами.

Лицо этого юноши точь-в-точь походило на лицо Цинь Яня, разве что в чертах между бровей, по сравнению с годами его юности и расцвета, появилось куда больше мужественной отваги. Вновь переродившись человеком, Цинь Янь постепенно начал являть свою истинную природу, и весь его облик преобразился.

В этом мире у него появилось и новое имя: Чжу Лун.

Чжу Лун взглянул на сочную, полную жизни весеннюю траву, и на его лице промелькнула радостная улыбка: — И правда, эта весенняя трава любит солнце. Только под его долгим купанием она способна быстро расти.

Весенняя трава относилась к растениям с теплым началом, обладала свойствами укреплять корни и питать первооснову, изгонять холода и сырость, являясь важнейшим средством для лечения простудных недугов. Поскольку на севере Долины Туманов везде были засеяны поля, а сами сельские жители жили на другой стороне, где света падало мало и стояла сырость, простуды и легкие недомогания здесь были делом обычным. Именно поэтому весенняя трава ценилась на вес золота, и сельчане обожали выпить на рассвете или в сумерках миску лапши с ней, чтобы изгнать из тел внутренний холод.

Однако из-за того, что долина круглый год была окутана туманами, а те немногие хорошие участки отдали под зерно, выращивать лекарственные травы было попросту нигде.

Только Чжу Лун и решался на подобные безумства: вздумай кто другой так часто карабкаться по каменным стенам, рано или поздно сверзился бы насмерть.

— Эта весенняя трава поднялась на славу, пару кустиков уже можно пускать на лекарства. — Чжу Лун бережно обломал несколько сочных стеблей, оставив дюймовые корешки, после чего подсыпал на грядку пригоршню черной земли и окропил ее из водяного бурдюка.

Затем он взмыл вверх, ухватился за свисавшую лиану и перемахнул через провал, но на полпути лоза с хрустом переломилась. Чжу Лун среагировал молниеносно: его левая рука в тот же миг превратилась в драконью лапу и намертво вцепилась в скалу, после чего он легко подтянулся и перепрыгнул на уступ.

На его лице не было ни тени страха — казалось, подобные происшествия стали для него обычным делом.

Южная стена была куда более гладкой и влажной, сплошь покрытой мхом, и здесь Чжу Лун разводил лишь те травы, что не выносили человеческого тепла.

— Лунные цветы распустились еще на три бутона, неплохо, неплохо.

Лунный цветок принадлежал к растениям с холодным началом, форма его лепестков менялась в зависимости от фаз луны, и лишь в дни полнолуния, ближе к пятнадцатому числу, сорванные цветы обладали наивысшей целебной силой. Они росли, впитывая лунное сияние, потому-то Чжу Лун и пересадил их на отвесную скалу.

Провозившись с раннего утра и до самого полудня, Чжу Лун наконец обошел кругом весь горный хребет, спустился по горной тропинке к ручку, берущему начало от водопада, и ополоснул лицо.

Чжу Лун как-то заглядывал туда: внизу под водопадом наверняка скрывались подземные течения, иначе русло не могло быть столь узким.

По дороге ему то и дело попадались односельчане, и Чжу Лун неизменно останавливался, чтобы почтительно поклониться: — Доброе утро, дедушка Го.

— Здравствуй, тетушка Ли, раннего утречка, четвертый господин Чжао...

Соседи добродушно улыбались и отвечали на приветствия. Дедушка Го шел с деревянным ведром, а под мышкой у него была зажата длинная и тонкая бамбуковая удочка.

— Ай, всегда говорила, что наш Чжу Лун далеко пойдет! Не то что вы, ленивые задницы, целыми днями маетесь дурью — то рыбу уженете, то сверчков травите.

Тетушка Ли прикрыла рот рукой и хихикнула: — Иди-ка сюда, племянничек, небось еще не завтракал? Возьми лепешки, замори червячка.

С этими словами она сунула бамбуковую корзину прямо в руки Чжу Луну, не оставив ему ни шанса на отказ.

Чжу Лун попытался отказаться: — Тетушка Ли, я вовсе не голоден, дядя Ли, наверное, всю пашет в поле, лучше отнесите ему.

Тетушка Ли лукаво улыбнулась: — Ничего страшного, вчера мы с ним поцапались, он опять уперся как баран, с утра убежал даже без завтрака. Если не приструнить его, как я потом буду хозяйничать в доме?

Чжу Лун почувствовал себя крайне неловко, про себя лишь горько усмехаясь: — Вот ведь...

— Чего замялся? Не забывай, ты вырос на общественном хлебе, а теперь что, нос воротишь, думаешь стряпня твоей тетки тебе не по зубам?

— Нет-нет, все, что готовит тетушка Ли, я уплетаю за обе щеки.

Услышав это, тетушка Ли расцвела: — Кстати, ты ведь уже не мальчик, не хочешь, чтобы тетушка сосватала тебе девицу?..

Лицо Чжу Луна мгновенно вспыхнуло от стыда, он схватил корзину и припустил прочь, на беду крикнув напоследок: — Тетушка Ли, я к дяде Ли, передам ему, чтобы вечером вернулся и попросил прощения, так что не забудьте отпереть ему дверь!

Толпа односельчан разразилась громким и веселым смехом, глядя на смущение парня. Подразнить молодежь — разве это не одна из величайших радостей деревенской жизни?

Дом Чжу Луна представлял собой небольшую лекарскую лавку, позади которой прятался квадратный дворик, сплошь заставленный деревянными стеллажами с сушащимися травами. Предки его из поколения в поколение были врачами, и хотя искусство исцеления передавалось от отца к сыну, оно всегда оставалось самым заурядным.

Лишь один прадед в свое время покидал горы и странствовал по свету — как раз в те времена, когда свирепствовали природные бедствия и нашествия демонов, а по дорогам бесчинствовали эпидемии и бандиты.

Выйдя в мир, тот прадед спасал больных и немощных, и люди, помня его великую милость, почтительно величали его Ван Цзи. Впрочем, если подумать, ничего особо грандиозного в этом не было.

Кровь рода Чжу отличалась странностью: на протяжении десятков поколений в семье рос лишь один единственный сын, и никаких генеалогических древ они не вели.

Куда хуже было то, что на каждого мужчину рода Чжу накладывалось проклятие: никто из них не доживал до сорока лет. Родители Чжу Луна скончались в один день, когда ему исполнилось всего три года.

Тогда им самим было лишь по тридцать пять, и память Чжу Луна о них сохранилась самой смутной — сказывалась нормальная процедура перерождения, при которой душа младенца долго остается помраченной.

По мере того как воспоминания возвращались, его порой одолевали сомнения: кто же он в конце концов?

Человек или дракон?

Впрочем, теперь это не имело никакого значения. Прожив новую жизнь, он окончательно порвал с прошлым, позволив себе считать его лишь красивым сном.

— Назад уже никак не вернуться!

Цинь Янь окинул взглядом тихий родительский дом и с горечью покачал головой. Он отставил в сторону корзину, прошел во внутренние покои и переоделся в длинный белый халат, вышитый черным бамбуком, что придавало его облику некую ученость и утонченность.

Пусть сейчас у него не было никакой культивации, зато сохранилось мощное духовное восприятие, а границы моря сознания простирались за пределы видимого. Быть может, это стало неким подобием компенсации со стороны того Звездного драконолюда.

И тем не менее, из-за слабости нынешнего уровня культивации он мог задействовать лишь силу духовного восприятия Начальной ступени Очищения Ци.

Помимо способности заглядывать внутрь собственного тела, он ощущал все происходящее в радиусе одного чжана. Чжу Лун сидел за каменным столом во дворе; на его левой руке проступили очертания драконьей лапы, поверх которой мгновенно возникли слои золотых цепей.

— Эта родовая печать до чего же ядовита. Если я когда-нибудь узнаю, кто ее наложил, непременно сотру его в порошок! — свирепо подумал Чжу Лун, а из его покрытой чешуей рук

непрерывно источалась драконья Ци, истончая путы золотых цепей.

Освоив метод внутреннего созерцания, он досконально обследовал свое тело, изначально полагая, что проклятие — это следствие тяжелой болезни или какого-то яда. Кто бы мог подумать, что корнем бед, чуть не приведших к угасанию рода Чжу, окажется столь глубоко укорененная в крови печать.

Подобные родовые печати пронизывали все меридианы и кости, наглухо закупоривая изначальную жизненную силу. С каждым годом жизни носителя печать тоже крепла, постепенно полностью отрезая жизненный исток от истинного владельца.

И тогда смерть становилась неизбежной.

К счастью, в жилах Чжу Луна таилась драконья кровь: стоило ему обратиться, как обычная кровь превращалась в драконью, ослабляя хватку печати.

Вот только из-за отсутствия у самого Чжу Луна культивации единственным способом поддерживать форму дракона был постоянный расход собственной жизненной энергии. Увы, при таком раскладе, хотя печать понемногу и стиралась, его собственной жизни грозила смертельная опасность — он вполне мог обратиться в прах еще до того, как удастся снять проклятие.

Куда хуже было то, что если людям не хватало жизненных сил, вернуть драконью плоть в человеческий облик становилось невероятно трудно.

Драконья кровь текла в жилах Чжу Луна от рождения, и способность двух столь разных кровей взаимно превращаться друг в друга стала серьезным ударом по биологическим познаниям, приобретенным им за двадцать три года прошлой жизни.

— Когда же я наконец вырасту? Если продолжу так очищаться, то раньше времени сведу себя в могилу.

Чжу Луну не терпелось вырваться во внешний мир, а опираясь на жизненный опыт из бесчисленных книг прошлой жизни, он знал: быстрее всего решить проблему можно, лишь прибавившись к сильному покровителю.

Сперва нужно втереться в доверие к какому-нибудь крупному сектантскому объединению, обманом и лестью выбить побольше ресурсов для культивации, а после — сбежать, сверкая пятками.

— Племянничек, ты дома?!

Услышав окрик со двора, Чжу Лун выдернул из аптечного пучка десятилетний женьшень,

засунул в рот, тщательно разжевал и проглотил. Тело тут же окутало облачком белого пара, восполнившим нехватку крови, а драконья лапа в мгновение ока обратилась обычной человеческой кистью.

Закончив с этим, Чжу Лун крикнул в ответ: — Дядя Ли, погодите минутку, я сейчас!

Отворив деревянную калитку, Чжу Лун замер: пазуха у дяди Ли была подозрительно оттопырена, а на лице застыло заговорщицкое выражение.

А ведь когда он относил лепешки на поле, дядя Ли выглядел совершенно нормально.

— Проходите, дядя Ли, чего стоите. — Чжу Лун быстро сообразил в чем дело и посторонился, пропуская гостя внутрь.

— Кхе-кхе, кхе-кхе-кхе! — едва переступив порог, дядя Ли зашелся кашлем, а тело его слегка затрясло. Обладая кое-каким врачебным опытом, Чжу Лун с одного взгляда понял: мужик подхватил простуду.

— Дядя Ли, а я ведь положил в лепешки, что вам передал, несколько листьев весенней травы. Вы что, не стали их есть? — поинтересовался Чжу Лун.

На лице дяди Ли проступила неловкая улыбка: — Ну... понимаешь... я тут решил посидеть на диете, много есть вредно.

— Присядьте-ка пока, дядя Ли.

Чжу Лун с понимающей улыбкой не стал допытываться дальше. Он быстро подошел к очагу и развел огонь, и вскоре вода в котле забурлила.

Он отломил от висевшей под навесом сушеной лапши хорошую пригоршню, бросил в кипяток, а когда та сварилась, разложил по двум большим мискам, добавив в каждую по три листа весенней травы, щедро сдобрил кунжутным маслом и посыпал зеленым луком, имбирем и чесноком.

— Перекусите, дядя Ли. Диета тоже должна быть в меру, иначе с голодухи занедужите.

— Э-э-э, ну раз так, не буду отказываться.

Столкнувшись с манящим ароматом лапши и вспомнив, что не ел уже сутки напролет, дядя Ли не выдержал. Он принялся заглатывать лапшу огромными порциями, а Чжу Лун испуганно смотрел на его зверский аппетит — тетушка Ли ведь дала ему с собой добрый десяток толстых, сытных лепешек, коих обычному человеку хватило бы с лихвой и пары штук.

— Вы помедленнее, дядя Ли, подавитесь ведь.

Чжу Лун пододвинул к нему собственную, еще не тронутую миску, а сам метнулся на кухню и соорудил еще три порции: одну с бульоном и две с лапшой.

— О-у-у, о-о-у-у!

Из пазухи дяди Ли раздался тонкий писк, выдавший какую-то незнакомую зверушку. Услышав возню, мужчина замер с полным ртом лапши, понял, что скрывать больше не удастся, с виноватым видом глянул на Чжу Луна и извлек из-за пазухи крошечного детеныша, опустив его на пол.

Чжу Лун склонил голову набок и бросил взгляд вниз, и в его голове мгновенно промелькнуло слово: Хаски?

И впрямь, этот щенок выглядел точь-в-точь как те хаски, которых он видел в прошлой жизни.

— Ешь, ешь давай.

Дядя Ли с умилением выудил палочками большую часть лапши из своей миски и сбросил ее на каменный пол. Хотя там попадались песчинки, щенок не только в мгновение ока сжевал все подчистую, но и вылизал камень до блеска.

Люди и звери — существа разные, и как бы сильно дядя Ли ни привязался к щенку, переступить черту он не стал: ставь он перед псом миску на пол, это сочли бы неуважением к хозяину дома.

В его же прошлой жизни от подобных условностей давно ничего не осталось — порой домашняя тварь значила куда больше человеческой жизни, чего Чжу Лун так и не смог до конца понять.

— Дядя Ли, уж не из-за этого ли щенка вы поссорились с тетужкой?

Пойманный с поличным, дядя Ли лишь понуро опустил голову и кивнул.

— Вчера вечером во дворе ни с того ни с сего вспыхнул ослепительный свет. Я вышел проверить и по дороге подобрал этого щенка. Гляжу — совсем зачах, ну я и нарезал ему вяленой баранины, что висела у нас на стене. Кто же знал, что у этого засранца брюхо бездонное! Из трех бараньих ног, заготовленных на Новый год, он умял почти две.

— Тетужка твоя с утра рассвирепела и велела выбросить его вон. Я не согласился, ну она нас обоих и выставила за дверь, крича, чтобы я шел и жил с этой тварюгой до конца дней своих. Я

сгоряча и не вернулся.

Чжу Лун только тяжело вздохнул: ну и история. — И что теперь думаете делать, дядя Ли?

— А черт его знает. Не возвращаться же домой, скитаться по свету вместе с ним?

Лицо дяди Ли исказилось от горькой усмешки. Чжу Лун счел его слова вполне разумными: судя по аппетиту щенка, не то что семья дяди Ли, а все две с лишним тысячи жителей Долины Туманов, корми и они его сообща, вряд ли долго протянули бы. Еда была на исходе, а этот бутуз рос не по дням, а по часам, и в будущем ему требовалось бы еще больше провизии.

Чжу Лун поднялся, снял с крюка в кухне увесистый кусок вяленого мяса, мелко накрошил его и бросил в котел.

Увидев это, дядя Ли испуганно вскочил: — Племянничек, ты чего удумал? Мясо в нашей деревне на вес золота, за весь год пару раз на стол попадает, не трать его на эту шавку!

— Дядя Ли, это еще с прошлого года осталось, я столько все равно не съем. К тому же нынче старики опять навяжут мне горы гостинцев к празднику, если сейчас не пустить этот кусок в дело, он просто испортится.

Дядя Ли, разумеется, прекрасно понимал, что это лишь отговорка, придуманная ради спасения его мужской гордости, и глаза его заволокла влага.

Чжу Лун отобрал пару лучших кусков жирного мяса, положил их в миску, а затем отыскал в углу старый деревянный таз, смахнул с него пыль и вывалил туда оставшуюся лапшу вместе с мясом и бульоном.

Жирные куски, разумеется, отправились на стол, а вот деревянный таз приземлился у ножки стола. Членистолапый сорванец тут же почуял аромат мясного бульона, высунул язык, пустил слюни и подбежал трусцой, закружив вокруг Чжу Луна, пока тот не разрешил: — Ешь давай.

Получив добро, щенок бросился к тазу и принялся шумно уплетать еду.

Чжу Лун переложил пару жирных кусков в уже наполненную миску с лапшой и протянул ее дяде Ли, после чего придвинул к себе собственную порцию.

— Скоро уже осень, а охотничья добыча все еще не радует?

Они уплетали лапшу и вели неспешную беседу — дядя и племянник всегда были близки и могли говорить о чем угодно.

— Эх, каждый год одно и то же. Долина Туманов хоть и отпугивает Демонических зверей, но за компанию распугала и всю обычную дичь. А стоять нам сунуться за ее пределы на охоту — нарвемся на зверя, и верной смерти не миновать.

— Когда намечена следующая охота?

Дядя Ли с первого взгляда раскусил тайные мысли Чжу Луна. Уголки его губ скривились в улыбке: — Это старейшины решат на общем собрании, мне почём знать. Сиди себе дома и не высовывайся, о таком взрослым думать положено.

Дядя Ли отложил палочки, и лицо его омрачилось: — Эх, знать бы еще, как там мой обормот поживает. Сколько лет прошло, а от него всего пара писем. Будь у него хоть наполовину столько же сыновней почтительности, сколько у тебя, я бы спокойно лег в землю.

Чжу Лун лишь простодушно усмехнулся в ответ: — Брат Цзиншань вознамерился послужить отечеству — он истинный герой и муж! Куда мне до него. Когда он вернется с триумфом на родину, вам ведь тоже будет чем гордиться, дядя Ли?

При этих словах лицо мужчины посветлело, в нем вновь проступила гордость, а спина невольно выпрямилась, но стоило ему бросить взгляд на копошащегося внизу щенка, как тоска вернулась вновь.

Одиночество стариков порою способно вызывать лишь жалость. Упрямство, с которым дядя Ли пытался приютить этого щенка, наверняка было вызвано тем, что в нем он видел своего затерянного где-то на чужбине сына, одинокого и брошенного всеми.

Чжу Лун помолчал немного и произнес: — Дядя Ли, у вас сейчас есть два пути. Первый: мы прямо сейчас приканчиваем его, а труп выбрасываем за пределы долины, чтобы не нажить проблем.

— Нет, погоди, за что его убивать? Даже если придется избавиться, можно же отпустить его на волю за оградой! — испуганно замахал руками дядя Ли, явно не согласный с таким исходом.

— Поедать по две бараньей ноги в день, дюжину лепешек да миску мясной похлебки — разве способен на такое обычный щенок?

Лицо дяди Ли побледнело, и он пролепетал дрожащим голосом: — Ты хочешь сказать... что это Демонический зверь?

Чжу Лун утвердительно кивнул: — Хоть Долина Туманов и отрезана от внешнего мира, внутри нее нет барьеров против зверей, а вот этот клыкастый ошейник на его шее, позволяющий игнорировать защиту долины, уже говорит о многом.

— Если не разобраться с этим сейчас, в один прекрасный день он навлечет на всю долину беду.

— И... каков же второй путь? — пусть мужчина уже знал ответ, он все еще цеплялся за надежду спасти жизнь животине.

Щенок, казалось, тоже понял, что решается его судьба, и жалобно заскулил, глядя на Чжу Луна умоляющими глазами.

— Скажу вам прямо, второй путь мало чем отличается от первого. Пусть пока поживет у меня, я присмотрю за ним. Но если я замечу хоть малейшую угрозу, то тут же прикончу его и брошу в диких землях. Только с этих пор его жизнь в моих руках, и к вам, дядя Ли, он больше не будет иметь никакого отношения.

Дядя Ли внутренне уже был готов к такому, но сердце все равно ныло от боли: — Нельзя же из-за одной шавки ставить на кон жизни двух тысяч людей. Поступай как знаешь, племянничек, я не в обиде. Только прикончи его быстро, чтобы не мучился.

— Обещаю.

Дядя Ли с грустью поднялся, напустил на лицо бодрый вид и выдавил улыбку: — Засиделся я у тебя, если сейчас же не вернусь, тетушка твоя опять расшумится. Ну, я пошел. И ты береги себя, племянник, не будь упрямым, в меня не иди.

— Счастливого пути, дядя Ли.

— Не провожай, я мигом доберусь.

Проводив дяди Ли взглядом, Чжу Лун захлопнул калитку, оглянулся на избежавшего смерти щенка и заметил, что тот, совершенно не заботясь о завтрашнем дне, уже раскинул лапы кверху и сладко похрапывает.

Глядя на этого обжору, Чжу Лун невольно потер нахмуренное межбровье и мысленно выругался: — Ну и знатная же головная боль мне досталась.

<http://bllate.org/book/25485/3039021>